

СТИХОТВОРЕНИЕ С. П. ШЕВЫРЕВА «ПОСЛАНИЕ К А. С. ПУШКИНУ»

Современному читателю имя С. П. Шевырева, как правило, мало что говорит; если оно и известно специалистам, то преимущественно с отрицательной стороны.

Между тем в 20-е и отчасти в 30-е годы XIX века, во времена молодости, когда за Шевыревым еще не значилось тяжких грехов перед свободной русской мыслью, он был не только заметной, но и в общем положительной фигурой в литературной жизни. С сочувственным вниманием, и критически и одобрительно, относился к нему Пушкин, видевший в нем литератора, «заслужившего доверенность просвещенных читателей»¹. Он и был таковым в те годы.

В 20-е годы Шевырев выделялся как писатель плодотворный и эстетически образованный. Он был одним из авторитетнейших членов содружества поэтов-любомудров, группировавшегося вокруг журнала «Московский вестник», в чем-то близкого Пушкину и одновременно противопоставляющего себя пушкинскому направлению в русской поэзии.

Литературная деятельность Шевырева 20—30-х годов, мало исследованная, требует к себе серьезного научного внимания. Пусть его произведения и не представляют для нас живой эстетической ценности, но они несомненно имеют значительный историко-литературный интерес.

Одно из самых интересных в историко-литературном смысле произведений Шевырева — его «Послание к А. С. Пушкину». Стихотворение написано в 1830 году и в следующем году напечатано в альманахе «Денница». 20 июня 1830 года Шевырев писал Погодину: «Мы возвратились в 11 часов... Я ожидал от тебя письма... и оно как тут. Все забыто... и я со всеми вами... Читаю бесценные строки от всех вас... Тут и Пушкин, Хомяков и Языков — наша русская слава...» И далее: «Прошу тебя раздать следующие ответы. Пушкину: его строки были электрическими; в Риме читать письмо от Пушкина — что-то неизъяснимо сладкое душе — возбуди-

¹ А. С. Пушкин. «Об обязанностях человека». Сочинение Сидвико Пелико, Полное собр. сочинений в десяти томах, т. 7, АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 444.

тельно; он мне прислал спирту русского против неги полу-денной, ослабляющей нервы! (еще до письма у меня в голове было к нему послание из Рима; теперь оно скорее созреет — он сам кстати дал искру; я в Риме лучше понял назначение России и Пушкина; осмелюсь говорить ему об этом и об языке русском...»².

Написав послание, Шевырев через Погодина посылает его Пушкину, отмечая это в дневнике как существенное событие своей жизни³. Через некоторое время он получает от Погодина ответ: «Послание Пушкину отдал; очень, очень благодарен и хотел ответить тебе стихами же; разве только свадьба теперь помешает...»⁴.

Сам Пушкин так и не ответил Шевыреву — и скорее всего не из-за свадьбы. Но Шевырева, за отсутствием ответа Пушкина, версия Погодина, видимо, устраивала. Он пишет Соболевскому: «Он обещался мне отвечать на Послание, но, видишь, пьян своею женою...»⁵.

В письме к Соболевскому чувствуется, впрочем, и едва прикрытое огорчение Шевырева. Ответа Пушкина он, очевидно, ждал, ибо на свое послание в литературном смысле очень рассчитывал. Он видел в нем изложение программы не только своей, но и кружка Любомудров в целом. Это был для него литературный манифест общего значения, а не только исповедание собственной веры.

К чему же сводились программные декларации Шевырева, как они выступили в его «Послании к Пушкину»? С первых же строк стихотворения Шевырев заявляет о себе как о страстном поклоннике Пушкина — и одновременно как об оппоненте его. Он видит в Пушкине народного певца, первого поэта России и своего наставника в поэзии — но это не мешает ему в отдельных пунктах не соглашаться с Пушкиным и спорить с ним:

Из гроба древности тебе привет:
Тебе сей глас, глас неокрепый, юный;
Тебе звучат, наш камертон Поэт,
На лад твоих настроенные струны.
Простишь меня великодушно в том,
Когда твой слух взыскательный и нежной
Я оскорблю неслаженным стихом
Иль рифмою нестройной и мятежной...

² Письма Шевырева к Погодину. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 116/об.

³ См. запись в дневнике от 17 июля 1830 г. Рукописный отдел Публичной библиотеки им. С.Щедрина, ф. 850, л. 1/об.

⁴ Письмо Погодина от 25 января 1831 г., «Русский архив», 1882, книга третья, стр. 180.

⁵ Письмо Шевырева от 30 сентября — 12 октября 1831 г., «Литературное наследство», № 16—18, М., 1934, стр. 749.

«Настроенный» на Пушкина, Шевырев позволяет себе уже в самом начале разговора с ним скрытую полемику. Он просит прощения за свой негармонический, «неслаженный» стих, но за этим кажущимся смирением младшего поэта перед старшим нетрудно почувствовать заявку на свое особое мнение — и даже гордыню: от «неслаженного стиха» и «нестройной рифмы» Шевырев отнюдь не намерен отказываться. В Пушкине он видит «гармонического поэта» — сам он не только не таков, но таким и не хочет быть.

Слова своего послания — в частности, и те, что содержат скрытую полемику с Пушкиным — Шевырев рассматривает как своеобразное пророчество о русской поэзии: «Из Рима мой к тебе несется стих, весь трепетный, но полный чувством тайным, пророчеством, невнятным для других, но для тебя не темным, не случайным». Пророческий пафос, вообще свойственный Любомудрам, очень характерен для программного послания Шевырева к Пушкину. Он чувствует, чем дальше, тем больше. Рядом с пророчеством о русской поэзии у Шевырева пророчество о России:

Здесь расшатавшись от изнеможенья,
В развалины распался древний мир,
И на обломках начат новый пир,
Блистательный, во здравье просвещенья,
Куда чредой все племена земли,
Избранники, сосуды принесли;
Куда и мы приходим с честью равной,
Последние, как древле Рим пришел,
Да скажем наш решительный глагол,
Да поднесем и свой сосуд заздравной! —
Здесь двух миров и грудь и колыбель,
Здесь нового святое зароженье:
Предчувствием объеблю я отсель
Великое отчизны назначенье!

Замечательно, что мысль о великом назначении России в послании тесно связывается с мыслью о Пушкине. Это как и в письме Шевырева к Погодину («Я в Риме лучше понял назначение России и Пушкина»), это как позднее будет в сознании Гоголя и Достоевского.

Даже споря с Пушкиным, тайно и явно, Шевырев не может не восхищаться им, не может не признать величия его поэтического гения и его значения для народной культуры. Этим и определяются одические интонации в той части послания, где Шевырев дает характеристику Пушкину-поэту:

Но чьи из всех родимых звуков мне
Теснятся в грудь неотразимой силой?
Все русское звучит в их глубине,
Надежды все и славы Руси милой,
Что с детских лет втвердилось в слова,
Что сердце жмет и будит вздох заочный:
Твой — певец! избранник божества,
Любовию народа полномощный!

Гимном Пушкину завершается своеобразная интродукция стихотворения. За ней идет главная часть — в которой ставятся главные вопросы и высказываются основные, программные идеи. Эта часть вся об языке поэзии, о его настоящем и будущем. Тон стихотворения меняется. На смену интонациям одическим приходят интонации иронические, а местами и гневные. Главнейшему «носителю русского языка», Пушкину, Шевырев открывает свои сомнения и свои думы, рисует «историю болезни» и предлагает от нее лекарство.

На взгляд Шевырева, русский язык, ставший на ноги «уменьем рыбака» (Ломоносова), сделавшийся богатырем, гремя «под бурею водопада» (т. е. в поэзии Державина), очистившись и обретя священный пыл в «народных исповедях» Карамзина и в патриотических песнях Жуковского, — теперь переживает кризис и нуждается в срочном лечении:

Что ж ныне стал наш мощный богатырь?
Он, галльской диетой замучен,
Весь испитой, стал бледен, вял и скучен,
И прихотлив, как лакомый визирь...

Шевырев ставит диагноз болезни в точном соответствии с общей программой поэтов-любомудров, ориентировавшихся на сближение поэзии с философской мыслью. Болезнь языка, по Шевыреву, заключается в его «неспособности слушать мысли — поэзии мысли:

... Так наш язык: от слова ль праздный слог
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Теснее ль в речь мысль новую водвинешь, —
Уж болен он, не вынесет, кряхтит,
И мысль на нем как груз какой лежит!
Лишь песенки ему да брани милы;
Лишь только б ум был тихо усыплен
Под рифменный, отборный густозвон.
Что если б встал Державин из могилы,
Какую б он наслал ему грозу!...

В своих размышлениях о языке поэзии Шевырев не случайно поминает Державина, видит в нем высший авторитет и высший суд. В отношении языка — да и не только языка — именно Державин был первым и главным учителем Шевырева. Во вступительной лекции к курсу русской словесности Шевырев говорил: «Гений одного Державина может, конечно, стать наравне с возвышеннейшими гениями Германии...»⁶.

Начав с гимна Пушкину, Шевырев, увлекаясь, доходит до косвенного противопоставления Пушкину Державина. «Непушкинское» направление литературной программы Шевырева постепенно из подтекста выходит на поверхность.

⁶ Общее обозрение развития русской словесности (Вступительная лекция З. О. профессора Шевырева), библиотека ИРЛИ, 4308, стр. 42.

В финале стихотворения, в последних его сентенциях, Шевырев не удерживается от прямых уроков Пушкину:

... Врачуй его: под хладным русским Фебом
Корми его почаще сытным хлебом,
От суетных печалей отучи
И русскими в нем чувствами звучи...

Критика языка поэзии и языковая программа, которые содержатся в стихотворном послании Шевырева, несмотря на их отчасти антипушкинскую направленность, вполне соответствуют духу времени. Более того, они не очень новы. О недостатках языка современной литературы — причем близкое Шевыреву по мыслям — писали до него и Бестужев, и Кюхельбекер, и Веневитинов. Бестужев в «Полярной звезде на 1824 год» отмечал: «Один недостаток — у нас мало творческих мыслей. Язык наш можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: он лепечет сквозь сон гармонические звуки или стонет о чем-то; но луч мысли редко блуждает по его лицу...»⁷.

«Из слова же русского, — писал Кюхельбекер, — богатого и мощного, силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык...»⁸.

И у Бестужева, и у Кюхельбекера — как позднее и у Шевырева — критика современного состояния языка русской поэзии связана прежде всего с заботой о ее содержании, со стремлением обогатить поэзию философскими идеями. Это еще более заметно у Веневитинова.

Требование языковой реформы, которое содержало послание Шевырева, было подготовлено всем развитием русской поэтической и эстетической мысли начала XIX века. Поэты и литераторы, которые стремились создать в России философскую школу поэзии, думали о языке, способном наилучшим образом ответить новым поэтическим целям и задачам. Зачинатели в поэзии — действительные и даже мнимые, удачливые и неудачливые — всегда озабочены соответствующей перестройкой поэтического языка, его обновлением. В этом смысле нетрудно понять тот пафос, с каким Шевырев говорит в своем послании к Пушкину об языковых проблемах.

Но весь пафос Шевырева в значительной мере сработал вхолостую. Его языковые декларации, призывы к решительным переменам в языке не сыграли сколько-нибудь заметной роли в русской поэтической жизни 30-х годов. Чем же это можно объяснить?

⁷ А. Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года, Собр. сочинений, «Сов. писатель», Л., 1948, стр. 176.

⁸ В. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии., «Мнемозина», часть II, М., 1824, стр. 38.

Послание Шевырева содержит в себе многие суждения, которые, если взять их в общем виде, нельзя не признать основательными. Таковы, например, требования мысли в поэзии, так же как и требования свободы языкового выражения. Однако напрасно Шевырев преподносил их Пушкину в тоне поучения и урока. Пушкин еще задолго до Шевырева, в 1822 году, писал: «...не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется...»⁹.

Впрочем, дело даже не в декларациях Пушкина. Их как раз у него сравнительно немного. Несравненно существеннее и важнее другое. То, к чему призывали и Бестужев, и Кюхельбекер, и Веневитинов, и Шевырев, по-своему и без каких-либо специальных манифестов осуществлял Пушкин в своей поэтической практике. Именно поэтому призывы Шевырева к обновлению поэтического языка оставили его холодным и равнодушным: они должны были казаться ему общими местами и трюизмами. Пушкин сам был языковым реформатором, и, в отличие от Шевырева, реформатором удачливым и великим — ибо он был великим поэтом.

Шевырев не способен был на роль преобразователя в области языка прежде всего потому, что он был литератором, но не поэтом. Его писательская судьба во многом напоминает судьбу Тредиаковского. Собственный язык Шевырева более всего доказывает, насколько неспособен он был выступать в качестве реформатора или даже просто в качестве проводника нового: на практике он сплошь и рядом лишь дискредитировал свои в принципе верные идеи.

Согласно программе Шевырева, одной из задач языковой реформы; им задуманной, должно быть возрождение державинских языковых традиций. Такая установка, при правильном подходе, не только имела право на жизнь, но и была реальным фактом поэтической жизни конца 20-х и 30-х годов. Об этом свидетельствуют лирико-философские опыты Баратынского и Тютчева, медитативные стихи Пушкина второй половины 20-х годов и его поэма «Медный всадник»¹⁰. Но если Баратынскому, Тютчеву, Пушкину — каждому, естественно, по-разному — державинская стилистика помогала одерживать художественные победы, то у Шевырева, который больше всех за нее ратовал, она чаще выступала признаком художественной слабости, нежели силы. Приведу не-

⁹ А. С. Пушкин. О прозе, Полное собр. соч. в десяти томах, т. VII, М.—Л., изд. АН СССР, 1951, стр. 16.

¹⁰ Подробнее об этом см. в моей статье: «Державинские традиции и философская поэзия 20—30-х годов XIX столетия». (В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века, Л., «Наука», 1969).

сколько примеров из произведений Шевырева; разных по времени написания и тематике:

Из пьесы 1825 года «Мой идеал» — «Люблю не огонь твоих очей, не розы свежее дыханье, не звуки сладостных речей, не юных персей волнованье...»;

Из стихотворения 1826 года «Создание красавицы» — «Он снял кору древесную с каштановых плодов, и вот коса рассыпалась из шелковых волос — и пали шелковистые с главы ее — волной на выю, перси млечные, на стан ее прямой...»;

Из стихотворения 1828 года «Мудрость» — «...и сотряслась мой составы, и зазвучали как тимпан: мне долу вторил океан, горе мне вторили перуны: мой все жилы были струны, я сам — хваления орган...» и пр., и т. п.

Не только в этих специально подобранных примерах, но и во многих других случаях (заметное исключение составляет стихотворение «Мысль») архаизмы Шевырева кажутся нарочитыми, они далеко не всегда оправданы художественным контекстом. Для современника Пушкина это недостаток непростительный. Архаизмы Шевырева похожи на державинские только самым внешним образом. Им не хватает державинской органичности. У Шевырева точно вымученные архаизмы. В его стихах следование Державину, установка на его стилистику сплошь и рядом оборачивается в род языкового эпигонства.

Под стать архаической лексике в языке Шевырева и его не менее архаический синтаксис, с утяжеленными, не оправданными смыслом инверсиями. Со стороны синтаксической иные стихи Шевырева свидетельствуют о тенденциях крайне регрессивных: они вызывают в памяти обороты и построения не Державина даже, а поэтов начала XVIII века. Вот один подобный оборот у Шевырева, взятый из стихотворения альбомного жанра: «Души в заветном туалете ужель не будет места мне...». То, что пример взят из произведения легкого жанра, делает его особо показательным. Несоответствие тяжелых конструкций облегченным заданиям пьесы выявляет наглядно крайность архаических увлечений Шевырева.

Синтаксическая затрудненность видна в стихах Шевырева и там, где он не впадает в прямые крайности. Это не частый промах — это общая тенденция языка его поэзии. Тенденция, которая в своей конкретной реализации сама есть в некотором роде промах.

Судя по «Посланию к А. С. Пушкину», в обновлении и оздоровлении языка, о котором мечтал Шевырев, наряду с установкой на архаически-высокую речь, отводилось важное место и свободному, смелому поэтическому слову. Свобода словоупотребления — одно из главных программных требований Шевырева. Порывы к языковой свободе наблю-

дались и в его творчестве. Но приводили они, как правило, тоже к неудачам.

Языковая смелость у Шевырева чаще всего оборачивалась тяжелой неловкостью. В отрывке из «Фауста», названном «Елена», Шевырев употребляет слово в окриям: «Привесь к окриям ушей дары блестящие морей».

Слово «окриям» явный неологизм. Само создание его и употребление в контексте, претендующем на художественность, требует известного бесстрашия. Но в данном случае это выглядит как бесстрашие неудачника.

В художественной речи достоинство того или иного слова и выражения определяется не только его собственными качествами, но и его местом в контексте — его уместностью. В письме к Кюхельбекеру Пушкин замечает по поводу его «Духов»: «...выражения не всегда точно русские — например, слушать в оба уха»¹¹. А на другой день, никак специально не оговаривая, в письме к Плетневу использует эту неправильность — использует в контексте иронически-шутливого, фамильярного звучания: «Милый, дело не до стихов — слушай в оба уха...»¹².

У Пушкина неправильность заиграла, приобрела художественную ценность и достоинство — потому что она оказалась уместной. В отличие от Пушкина, языковые вольности Шевырева кажутся в высшей степени неуместными.

Стихотворение Шевырева «К старцу» начинается словами: «Ты без волос, как солнце без лучей, стоишь торжественно в объятиях гробницы, — и светлый луч бессмертия денницы сияет радостно в огне твоих очей...». Образ «солнца без лучей», с которым сопоставляется старец, достаточно смелый образ — но еще в большей мере он безвкусный. Отсутствие поэтического вкуса и неуместность словоупотребления у Шевырева тесно между собой связаны: одно у него определяет другое.

У Шевырева есть стихотворение, в котором его установка на языковую свободу особенно заметна — как заметной оказывается и его неудача. Стихотворение называется «В альбом В. С. Т(опорин)ой». Оно было напечатано в альманахе «Галатея» за 1829 г.

И по содержанию, и по форме стихотворное послание Топориной представляет собой очевидную шутку — но значение ему Шевырев придавал далеко не шуточное. Уже сам факт публикации этого сугубо альбомного стихотворения показывает, как ценил он его и как на него рассчитывал. Видимо, стихотворение для Шевырева и являлось опытом той языко-

---

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах, т. X, М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 194. Письмо от 1—6 декабря 1825 г.

¹² Там же, стр. 195. Письмо от 4—6 декабря 1825 г.

вой свободы, о которой он так много думал и о которой декларировал вскоре в послании к Пушкину.

Послание Топориной действительно кажется смелым и свободным — и не только по языку. Его сюжет строится на неожиданном и отчасти рискованном сопоставлении сердца девушки с ее уборной. В принципе это очень во вкусе Державина. Державин любил и умел быть неожиданным и дерзким в своих стихах. Но Шевыреву, в отличие от Державина, поэтическая дерзость почти никогда не удавалась. Не удалась она и здесь, хотя Шевырев и пытался ее обосновать, так сказать, структурно, построив на исходном сравнении целое стихотворное рассуждение — вид словесной и поэтической игры:

Служитель муз и ваш покорный,
Я тем ваш пол не оскорблю,
Коль сердце девушки сравню
С ее таинственной уборной.
Все в ней блистает чистотой,
И вкус и беспорядок дружны;
Всегда заботливой рукой
Сметают пыль и сор ненужный...

Все это написано с явной установкой на свободу — Шевырев это сам подчеркивает:

Как своенравна, нескромна
Мечта свободного поэта!
Дерзает вольная она
Проникнуть в тайны туалета...

В приведенной «самохарактеристике» Шевырев не случайно говорит о «свободном» поэте, о его «своенравии», «дерзости», «вольности». Это именно те качества, на которые Шевырев претендует. Но без больших оснований. Его «своенравие» кажется натянутым и мало свободным — и оттого совсем не поэтическим.

По поводу стихотворения «В. С. Т(опорин)ой» поэт И. И. Дмитриев написал Вяземскому письмо, полное желчи и возмущения: «Я не мог равнодушно читать Шевырева стихов в альбом какой-то его дамочки, которую, уподобляя ее комнате, говорит, что как горнишная метет пол: «так выметаете и вы из кабинета чувств душевных пыль впечатлений ежедневных и мусор ветреной молвы...».

Закljučая письмо, после столь же гневного осуждения драмы Кюхельбекера «Ижорский», И. И. Дмитриев пишет: «Что это? Проза или поэзия? и после таких гадостей Карамзина школу называют в одном....., напечатанном в Сыне Отечества, временем упадка нашей словесности, а эпоху Полевого, Погодина возрождением Нарóдности, Гениальных умов, и наше юношество обоего пола начинает учиться языку торговок и сапожников...»¹³.

¹³ «Стáрина и Новизна», 1907, книга 12, стр. 331—332. Письмо И. И. Дмитриева Вяземскому от 1 мая 1829 г.

В словах И. И. Дмитриева легко обнаружить пристрастия и преувеличения поэта не только старой, но и устаревшей школы. В своем гневе он говорит явно не те слова. Язык «торговок и сапожников» и язык Шевырева и Кюхельбекера — это понятия мало совместимые. Как раз истинной народности и недоставало в языке Шевырева — да и Кюхельбекера тоже. Той народности, о которой столь пренебрежительно говорит И. И. Дмитриев и которую высоко ценил Пушкин, советуя молодым писателям «прислушиваться к московским просвирям»¹⁴.

Однако в том, что конкретно касается стихотворения Шевырева, И. И. Дмитриев во многом прав. Вместо подлинной языковой свободы, у Шевырева потуги на свободу, вместо речевой смелости и новизны — слова и выражения чаще всего искусственные, тяжелые, в художественном смысле плохо мотивированные.

В значительной мере это справедливо и в отношении к языку его научной и критической прозы. В прозе он также не годился на роль обновителя и реформатора языка, как и в поэзии. И. В. Киреевский, очень сочувственно относившийся к Шевыреву и высоко ценивший его «Историю русской словесности», писал о языке последней: «...язык такой изысканный, напыщенный, неточный, поставленный на ходули, поднятый на дыбы, что самому читателю за него больно. Можно бы было помириться с Шевыревым, если бы это был недостаток дара красноречия: не всякому талант дается; если даже незнание языка: нет, это умышленное терзание языка; Шевырев словечка не скажет в простоте, все с ужимкою, да какою!»¹⁶.

Шевырев не годился на роль реформатора поэтического языка больше всего не по слабости или принципиальной ошибочности своих теоретических понятий, а по отсутствию истинного поэтического дара. В сфере языка самые основательные суждения и декларации могут претендовать лишь на отвлеченный, умозрительный интерес, если они не подкрепляются живым примером, собственной художественной, языковой практикой. Тот, кто призывает к мысли, сам должен мыслить глубоко и оригинально, кто призывает к свободе — сам должен быть свободным, кто требует сильного слова — должен быть не только ценителем, но и творцом такого слова. Всего этого недоставало Шевыреву. Ведь даже его «Послание к А. С. Пушкину» — произведение, которое посвящено настоящему и будущему языка русской поэзии, — своим собственным языком способно было скорее смутить читателя, нежели воодушевить.

¹⁴ См.: А. С. Пушкин. Опровержение на критики, Полное собр. соч. в десяти томах, т. VII, М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 175.

¹⁶ «Русская старина», 1883, сентябрь, стр. 627. Письмо И. В. Киреевского к А. М. Языкову от 6 ноября 1846 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975